

Перечитывая роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Максим Александров оказывается вдруг внутри не христианского, а совсем иного мифа. Слишком непохоже на Иисуса и Сатану ведут себя его вроде бы евангельские герои. Погружаясь в текст, Максим оказывается в лунном, Третьем мире восточных и западных мифологий – в мире перехода, ночного Солнца – и находит там не менее восьми его характерных черт.

* * *

Существует ли миф независимо от своего автора? Кажется, М. А. Булгаков ответил на этот вопрос достаточно утвердительно. Роман, написанный Мастером, такой же факт инореальности, как и Воланд, Иешуа, Понтий Пилат. Написав его, Мастер не создал новый миф, но сам стал частью уже существующего.

Думаю, не ошибусь, сказав, что и сам роман «Мастер и Маргарита» – это мифологический текст, утверждающий в сознании читателей собственную реальность. А значит, может быть прочитан именно как мифологический, архетипический текст, независимо от того, что подразумевал автор, создавая его символическую ткань.

Всякий, читавший роман Булгакова, может не без оснований заподозрить, что что-то здесь не так. Персонажи, тщательно маскирующиеся под Сатану и Христа, ведут себя для евангельских героев несколько нестандартно. Иешуа не воскресает, всё, относящееся к христианским догматам: причащение кровью, преображение, воскресение мёртвых, – происходит исключительно на балу у Воланда. Сам же Воланд не восстаёт против Бога, не борется против Иешуа, и, собственно, не творит никакого зла, а скорее вершит должное, выступает как катализатор закономерного процесса. То, что вытворяет его свита в Москве, больше напоминает шутовство, злое, но остроумное хулиганство. Да и её жертвы, в общем-то, обычные люди со своими достаточно мелкими пороками, такими как неверие, пошлость, стяжательство. Не случись Воланда, барон

Майгель всё равно был бы застрелен, а Берлиоз попал бы под трамвай.

Но то, что справедливость в романе олицетворяет дьявол, по меньшей мере, странно.

Похоже, мы находимся внутри не христианского, а совсем иного мифа.

Левый мир

И как бы выглядела земля, если бы с неё

исчезли тени? Ведь тени получаются от

предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых

существ. Не хочешь ли ты ободрать весь

земной шар, снеся с него прочь все деревья и всё живое, из-за твоей фантазии

наслаждаться голым светом? Ты глуп.

Название это, конечно, условно. Можно называть его «задним», «океанским» или «западным», как египтяне, но, тем не менее, это будет точнее, чем называть его просто «нижним».

Действительно, бинарная оппозиция верх/низ необычайно популярна и может быть легко продолжена как день/ночь, свет/тьма, добро/зло, рай/ад. Но во многих развитых мифологиях мы встречаем не диаду, а триаду. Мы встретим её в мифах Японии и Мезоамерики, Египта и Шумера, Индии и Греции, ирландских и исландских сагах, потусторонних маршрутах бурятских и амурских шаманов... Верхний мир – мир Неба, светил, дня, света – и нижний мир Тьмы – смерти, болезни, испытания, разложения, в общем, inferнальный загробный мир, дополняет мир Океана – мир перехода, мир ночного Солнца.

Его архетипические характеристики достаточно устойчивы: низ, океанские бездны, устья рек, очищение, омовение. Сюда, за горизонт, спускаются для обновления звёзды и светила. Лунный свет, туманы, луга, великаны и карлики, источник (или древо) мудрости (он же источник поэзии), волшебные плоды, драгоценные металлы. Искусство магической иллюзии, остановившееся или почти остановившееся время, страна женщин. Здесь открывается вход в бездну inferно, куда стремятся умершие и откуда выходят по ночам призраки, но отсюда же открывается путь на небо, по которому ночное Солнце вновь вступает на небосклон. Здесь обитают эльфы и титаны-асуры – древние владыки земли и противники богов, но не демоны ада в обычном понимании.

Владыка этого мира – бог Океана/Хаоса и ночного неба, бог Утренней Звезды. В индийских преданиях это Варуна, у кельтов – Огмий, у шумеров и вавилонян – Энки (Эйя). Бог сокрытой мудрости и космической справедливости, хранитель мира/космоса, оберегающий его извне, из внешней тьмы. Бог скорее строгий, чем щедрый, но не враждебный людям. Бог космического равновесия, владыка магической иллюзии,

создатель письменности. Мир наколдован, скреплён им посредством знаков, писанного слова. Это его стихия.

Поэтому и роман Мастера – это не просто роман...

В романе Булгакова нет Бога, как нет его в мифе о трёх мирах, точнее, там он бесконечно далёк. В Воланде нет главной составляющей образа сатаны – мотива бунта, богоборчества. Но кем в бинарном мифе может предстать повелитель теневой, невидимой части мироздания?

Левий Матвей действительно глуп.

Параллели

– Он... просит тебя, чтобы взял с собою

мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?

– Мне ничего не трудно сделать, – ответил Воланд, – и тебе это хорошо известно...

Он помолчал и добавил:

– А что же вы не берёте его к себе, в свет?

– Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий.

Итак, что мы можем сказать о Левом мире из того, что находит отражение в романе, проступая сквозь канву сатанинской атрибутики?

Очищение и Воскресение

Уход Солнца в Левый мир – его ежевечерняя смерть, и в глубинах свершается таинство воскресения. Это и мир очищения, смывания всего временного и фальшивого. «Здесь [очистители:] ветер, огонь, вода и эфир ... днём ли, ночью ль, освобождают от дурных касаний», – говорит Махабхарата в описании удела Варуны (Запада).

Эта функция не столь очевидна, но и в романе гроза (пришедшая с запада) и огонь играют ту же роль очистителей. Смерть Мастера и Маргариты оказывается их воскресением в инобытие.

Альbedo

Стадия очищения на пути индивидуации (становления полностью зрелой личности) – наиболее близкий аналог Левому миру в психологической теории Юнга. Сны периода альbedo пересекаются с его образным рядом. Мир альbedo – это залитый лунным светом зыбкий мир превращений. Его обитатели – шуты, сумасшедшие, поэты, актёры, мошенники. Едва ли того же нельзя сказать и о булгаковском романе, в котором даже Воланд старательно играет театрального Мефистофеля.

Майя

Левый мир – действительно, мир Майи. Превращения и отвода глаз. Именно этим с большим искусством занимаются эльфы (ши) кельтских преданий, асуры и йотуны. Деньги, разбрасываемые свитой Воланда – то же золото эльфов, подверженное непредсказуемым превращениям. Постоянный театр, балаган, смена масок – от мошеннического ранения Бегемота до последних превращений на заключительных страницах романа. Искусство майи – это и игры со временем и пространством, жизнью и смертью, размытость границ между ними, невидимость.

Одноглазие

Очень характерный мотив, указывающий на принадлежность сразу к двум мирам. Вспомним одноглазие Азазелло, разные глаза Воланда, треснувшее пенсне Коровьева.

Мёртвые

Навыи (мертвяки) – постоянные гости Левого мира. Входы в него ведут через моря и древние могильники, сиды. Но сами обитатели Левого мира именуют себя Страной Живых. Просто перед мёртвым меньше преград. Здесь перекрёсток миров и врата ада отверсты подобно камину в преображённой ювелиршиной квартире.

Перекрёсток

На этом перекрёстке оказываются герои в последней главе.

Прямо к этому саду протянулась долгожданная прокуратором лунная дорога, и первым по ней кинулся бежать остроухий пёс.

Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся с кресла и что-то прокричал хриплым, сорванным голосом. Нельзя было разобрать, плачет ли он или смеётся, и что он кричит. Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге

стремительно побежал и он.

– Мне туда, за ним? – спросил беспокойно мастер, тронув поводья.

– Нет, – ответил Воланд, – зачем же гнаться по следам того, что уже окончено?

– Так, значит, туда? – спросил мастер, повернулся и указал назад, туда, где соткался в тылу недавно покинутый город с монастырскими пряничными башнями, с разбитым вдребезги солнцем в стекле.

– Тоже нет, – ответил Воланд, и голос его сгустился и потёк над скалами, – романтический мастер! Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочёл ваш роман. Тут Воланд повернулся к Маргарите: – Маргарита Николаевна! Нельзя не поверить в то, что вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чём просил Иешуа за вас же, за вас, – ещё лучше... Воланд махнул рукой в сторону Ершалаима, и он погас.

– И там тоже, – Воланд указал в тыл, – что делать вам в подвальчике? – тут потухло сломанное солнце в стекле. – Зачем? – продолжал Воланд убедительно и мягко, – о, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днём гулять со своею подружкой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда. Там ждёт уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет. По этой дороге, мастер, по этой. Прощайте! Мне пора.

– Прощайте! – одним криком ответили Воланду Маргарита и мастер. Тогда чёрный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита. Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг. Пропали и чёрные кони. Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет. Он начинался тут же, непосредственно после полуночной луны.

Вечная страна

Мы даже можем сориентироваться здесь по сторонам света. Москва, догорающая закатом, остаётся на западе. Лунная дорожка ведёт на восток. Между западом и востоком, через север, и проходит ночной путь Левого мира. Здесь, на северо-востоке, перед самым восходом Солнца на земной горизонт, многие мифологические традиции размещают Вечную страну – последнюю, самую удалённую область Левого мира.

Она неизменна со времён первотворения мира. Время и старость не касаются её. Энергия, породившая мир, не растрачивается. Это место восстановления сил.

Оно же может быть и желанным местом загробного успокоения, как Поля Иалу для египтян. Именно сюда ведут пустынные и опасные пути-лабиринты переходного мира, но лишь избранным дано пройти ими.

Да, это Вечный дом и утраченный рай. Но не путь восхождения.

Королева

Левый мир – женская сторона. Мужчина, достигший покоев Иного мира, встречает здесь проводницу и жену – идеальную женственность. Юнг называл её Анимой.

Мастер шёл со своею подругой в блеске первых утренних лучей через каменистый мшистый мостик. Он пересёк его. Ручей остался позади верных любовников, и они шли по

песчаной дороге.

– Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под её босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я.

Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя. Этот герой ушёл в бездну, ушёл безвозвратно, прощённый в ночь на воскресенье сын короля-звездочёта, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат.

Лунный Свет

Ложе было в полутьме, закрываемое от луны колонной, но от ступеней крыльца тянулась к постели лунная лента. И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошёл по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того всё сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге.

Да, свет, о котором говорится в романе, это свет Луны. Луна преображает, Луна срывает маски. Луна мучает Мастера, Пилата и Бездомного. Но эта пытка ни что иное, как тоска по горнему.

Я уже писал о Луне как светиле Левого мира. Но здесь придётся говорить о ней в несколько ином качестве – как о начале пути восхождения, первой небесной сфере. Наш падший мир – мир подлунный.

Плутарх в сочинении «О лике, видимом на диске Луны» излагает следующий миф:

Большинство людей верно полагают, что человек – существо сложное, но неверно считают, что он составлен только из двух частей. Так, думают, будто ум есть как бы часть души, впадая в ошибку ничуть не меньшую, нежели те, которым душа представляется частью тела. Ибо насколько душа выше тела, настолько ум превосходнее и божественнее души. Смешение души с телом производит неразумное и страстное [начала], а соединение души с умом производит разум. Первое есть начало удовольствия и страдания, второе – добродетели и порока. При соединении этих трех частей Земля дала бытие телу, Луна – душе, Солнце дало человеку ум, подобно тому, как оно же дало и Луне свет. Что до смерти, которою мы умираем, то одна делает человека из тройного двойным, вторая – из двойного единым. Первая происходит на Земле, которая принадлежит Деметре... вторая насильственно разрешает душу и тело; Персефона медленно и в течение длительного времени отделяет ум от души... Каждое из двух отделений происходит, согласно природе, так: всякой душе, имеющей ум или лишённой ума, суждено по выходе из тела блуждать в области между Землёй и Луной, но не одинаковое время. Неправедные и невоздержанные души отбывают наказания за неправды, а праведные должны пребывать некоторое положенное время в наиболее мягкой части воздуха, которую называют «лугами Аида», сколько нужно для очищения и отвеяния – как дурного запаха – связанных с телом скверн. Затем, как бы возвращаемые из изгнания в отечество, они вкушают такую же радость, как посвящаемые в таинства, испытывающие страх и смущение в соединении с надеждой.

Обратная сторона Луны – это и есть Елисейские поля, античный рай. Оттуда, освободившись от принадлежавшего ночному светилу, сознание продолжает своё восхождение.

В зороастризме Луна – область Благого слова, вторая стоянка на пути к Бесконечному Свету...

Иешуа – кто угодно, только не обладающий властью. Царство его в полном смысле не от мира сего. Ведь «всякая власть есть насилие над людьми». Но свет есть свет, светит...

Миф

Читал ли Булгаков Плутарха? Вполне вероятно. Но что это доказывает? Ткань мифа создаёт не игра цитатами, а вечное прочтение, каждый раз разное, совсем иной книги...

[Обсудить статью на форуме](#)

[Оглавление](#) :: [Следующая статья](#)